

Александр КОВАНОВ

**Юшка.
Повесть
о Человеке**

Александр Кованов

Юшка. Повесть о Человеке

«Издательские решения»

Кованов А. Н.

Юшка. Повесть о Человеке / А. Н. Кованов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901396-5

Главный герой книги — крестьянин Илья, прозванный в народе Юшкой. Судьба Юшки, как и многих других, неизвестных нам соотечественников, стала «зеркалом» поиска правды и справедливости в судьбоносные годы Гражданской войны. Эта книга не претендует на хронологическую достоверность описываемых событий. Это — повесть о Человеке.

ISBN 978-5-44-901396-5

© Кованов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
К читателю	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юшка. Повесть о Человеке

Александр Николаевич Кованов

*Эта повесть – о простом крестьянине,
о далёком времени, которое мы оцениваем
в зависимости от своих убеждений...
Это – повесть о Человеке и времени...
И главное мерило здесь – Совесть...*

Автор

© Александр Николаевич Кованов, 2017

ISBN 978-5-4490-1396-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Куда бредёшь ты, Русь Святая?
Лошадкой топчешь грязь... И жизнь...
Всё ищешь Бога... Ищешь Рая...
Держись, родимая! Держись!

Согбенна в пахоте... И в поте,
Насквозь пропитанных рубях,
Ты на «авось» живёшь... В работе...
С рябинкой крови на губах...

И всякий, кто в тебе рождённый,
Омыв слезой свой краткий век,
Униженный и оскорблённый —
Един! ...Как Бог! ...Как Человек!

К читателю

Если Вы читаете эти дневниковые записи, значит... они не пропали даром...
Значит, ни огонь, ни тлен, ни время не коснулись их, а отголосок моего времени донёсся до... Бог-весть, какого времени...

При рождении в простой семье и Святом Крещении мне было дано имя Александр. Отец мой, разорённый, зажиточный селянин Николай, перебрался в Самару в конце XIX века, в коем я был рождён.

Все его попытки «встать на ноги» и «скопить капитал» были безуспешны, потому что век двадцатый внёс в судьбы людей свои коррективы...

Царь Николай II отрёкся от престола и был сослан... Временное правительство творило неведь что, сдавая позиции государства Российского на всех фронтах... Затем в Москве и Санкт-Петербурге к власти пришли «большевики» во главе с Ульяновым-Лениным...

...Хаос... Отсутствие ощущения почвы под ногами... Все двери на ночь – на засов... Ожидание чего-то страшного... Знакомое ощущение???

Слава Богу, спивающийся отец успел дать мне и двум моим старшим сёстрам достойное образование!!! Сёстры сейчас учительствуют на «польских окраинах» государства Российского, а я... «за любовь к табаку и вольнодумство» был отправлен в захудалую школу села Крестовоздвиженское, в семидесяти четырёх верстах от Самары...

* * *

Никоим образом юродивый Юшка не стал бы «героем» моих дневниковых записей... Он не стал бы объектом моей «природной наблюдательности», воспитанной матушкой...

(Она всегда говорила мне: «Память человеческая – как сито... Чтобы не забыть – запиши!!!), если бы, однажды, я сам не назвал его «зеркалом Времени и Совести»...

Итак, Юшка...

Глава 1

Своё повествование о Юшке хочу начать с момента его появления в нашем селе, с кануна праздника Илии Пророка

(1 августа 1918 года)...

Тогда ещё до нашего захолустья не докатилась красная (кровавая) волна революции, но обстановка дышала порохом и напряжённостью... Такой, от которой волосы, поднявшиеся на голове дыбом, уже не опускались...

Страх и безысходность...

Даже воздух стал тяжёлым для того, чтобы его легко было вдыхать, а выдыхать радостной песней...

Вода в Волге как будто потемнела и стала вязкой... Облака на небе, всё чаще, сменялись свинцово-серыми тучами... Затихли соловьи и сороки... Замерло всё...

И природа, и люди... Замерло в ожидании...

В ожидании страшного...

* * *

Тихон и Кирилл, как обычно, собирались в «ночное»...

Собрали «путы», выгнали табун и стреножили четыре десятка лошадей от разных хозяев. «Полушка» за ночь – хорошая цена за конюшенный труд! А там, добрый хозяин, глядишь – прибавит несколько копеечек... За крестьянское усердие, смекалку и сохранность животного...

На берегу Волги прилегли конюхи-пастухи вечерять... Тем, что Бог послал, да жёнки-детишки собрали...

Малиновое яблоко Солнца закатывается на покой... Речка выдыхает... рождает туман... Кони – гуськом, конюхи – рядком...

Костерок потрескивает и брызжет искрами в фиолетовую темень... Запах свежей ущицы из карасей и бершиков, лука да картохи вторгается в туманную блажь наступающей ночи...

Балакают-гутарят «нОчники-полуночники»:

– Тиш... Какая тишь... Слышь?

– Не балагурь, скоморох...

– Тиш... А ты слышал, что «красные» обещают? Всё общее будет!

И земля, и скотина, и... гы-гы-гы-гы-гы!!! Ба-бы-ы-ы-... Гы-гы-гы!

– От, дурень, прости Господи... И чё?!!!

– А чё? ...Да... Ни-чё!!! Дадут мне десять десятин земли, коров пяток и лошадей тройку... Буду... Кум королю, сват – министру... О, как!!! И веру ихнюю, революцённую, приму!!!

– От, нехристь!!! Гля-кось, на небо! Илия Пророк в канун дня своего чёрные тучи на небе собирает... Хрястнет тебя, дурня, молоньей, чтобы не порол ересь!!! Погляжу я...

– Не хрястнет! Ни Бога, ни Ильи твоего, ни святых, ни пророков нетути... Так «красные» балакают... Вон, в Москве и Питербурхе храмы рушат, иконы жгут... Где твой Бог? Спит, чё-ли? Или бесам да Антихристу власть отдал????!!!

– Да, тьфу на тебя!!!!

В этот момент грозовые тучи сошлись в необоримой схватке... Полыхнула гигантская молния, и раздался такой удар грома, что загудели колокола на храме Воздвиженья Креста Господня в трёх верстах от места разговора...

В свете молнии, в нескольких метрах от костра, который раздувал поднимающийся ветер, появилась взлохмаченная тень, взывшая: «Э-э-э-!!! Му-ы-ы-ы-ы – кхы-ы-ы!»

...Взметнулись стреноженные кони и рванули в сторону села... Первые, крупные капли дождя, как конские копыта, взбили иссохшую землю брызгами, взлетающими на вершок мутными каплями...

Мужики, крестясь и воя, полезли наперегонки, в шалаш, надеясь найти там спасение...

Ещё молния... Ещё один раскат грома, сотрясающий землю... И... «раскрылись хляби небесные»... Пошёл такой дождь, который и старцы седые не вспомнят...

Сидя в протекающем шалаше, Тихон и Кирилл молились и выли...

Тень не исчезала...

– Да кто ты???!!! Живой или мЕртвый???!!!

– И-и-и-ю-ю-ю-шка!!!

Глава 2

Казалось, что небеса, прогневавшись на кириллову ересь, решили ввергнуть земную твердь в новый Всемирный Потоп. Сплошная стена воды отделяла двух, насмерть перепуганных, мужиков от невиданной тени, которая, что-то бормоча, приближалась к шалашу...

В ярких вспышках молний виделся мужикам то человек, то чудище невиданное, то коряжистое дерево, то бес, воочию пришедший за грешными душами.

Хотелось им закричать, да не кричалось, хотелось им бежать, да не бежалось... Жуть первобытная сковала телеса, острыми когтями впиалась в прокуренные глотки...

– Матушка Пресвятая Богородица! Заступница! Спаси и сохрани!!!

– ...Да, воскреснет Бог, и расточатся врази Его... А-а-а-а-а!!!

Прорвало и отпустило... Проломив хлипкую стенку шалаша, мужики рванули на волю... Пытались встать, да не тут-то было. Размокшая земля превратилась в скользкую жижу и, через несколько мгновений, мужики сами стали похожи на чертей. Беспомощно барахтаясь в луже, они смотрели на тень, которая приближалась всё ближе и ближе...

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. В рваные прорехи, испроставшихся от воды туч, выглянула полная луна... Замерли конюхи-ночевальщики, ожидая своей горемычной участи...

В мертвенно-бледном свете тень приблизилась... Присела на корточки и промычала, стуча себя в грудь:

– Ю-ю-шка! Ю-ю-шка! Чи-и-а-век! Чи-а-век!

Кг-ы-ы-щ-о-о-ный!

В доказательство своего человеческого происхождения, тень вынула из-под лохмотьев большой медный крест на толстом гайтане, да ещё десяток маленьких крестиков.

– Тьфу ты!!! Юродивый!!!

– А мы-то... С полными штанами...

Мужики залились хриплым хохотом, который от пережитого, переходил в истеричные повизгивания.

Тень «гыгыкала» вместе с ними и хлопала мужиков по плечам громадными ладонями.

Только с первыми лучами Солнца мужикам удалось рассмотреть существо, так напугавшее их кошмарной ночью.

Юшка был огромным детиной неопределённого возраста. Статный и широкоплечий, с громадными пудовыми кулачищами. По обветренному и иссушённому солнцем лицу трудно было определить, молод он или стар. Косматая голова, косматая борода... Как тут не напугаться... даже днём?

– Почто, Юшка, столько крестов носишь?

Перебирая, и внимательно рассматривая крестики, Юшка рассказывал:

– Кгры-го-гий... Б-гат мой... По-о-ме-р... Маар-фа... Сес-тга... Пго-пала... Ва-ся... Ти-и-ша... Ко-ля... Ми-и-ить-ка... Это – мамкин... Фе-е-е-дя... Гла-а-ша... Па-хо-о-м... Ни-ки-и-та... Это... Боль-шо-о-о-й... В Пустыни дали... Там хо-го-шо-о-о-о было... Ког-ми-ли-и...

Не обижа-а-а-ли...

Развести костёр было нечем. Всё вымокло. Порешили мужики выполоскать одежонку в Волге, отжать хорошенько, да свести «божьего человека» к священнику.

Благо, колокола на сельском храме уже призывали проснувшихся и просыпающихся на литургию. В честь праздничного дня, прославляющего грозного Пророка Илию...

Глава 3

Поспели мужики в храм только к исповеди и Святому Причастию... Юшка, понимая, что наделал большого переполоху ночью, помог Тихону и Кириллу собрать табун, пересчитать лошадей и направить их к хозяйским дворам.

В эту грозную ночь Бог дал прибыток в хозяйство солдатки-Глафиры. Ожеребилась её кобылка Ночка. Принесла складного да ладного жеребёночка на утеху вдовствующей многодетной матери.

В большом почёте была вдовица на селе. Муж её, Трифон, сгинул в «германскую», совершив, доселе неведомые подвиги во славу царя и Отечества. В одном из боёв он возглавил роту вместо убитого поручика.

В другом бою захватил в плен германского полковника с ценной картой.

А в третий раз умудрился забраться на германский танк, и бросить гранату в люк, ухайдакав весь экипаж бронированного чудовища.

За сии доблестные дела Трифон был награждён тремя «Георгиями» и даже побывал в недельном отпуске дома.

После этого Глафира понесла шестого младенца, которого герой так и не увидит...

Эту историю конюхи рассказывали Юшке, направляясь к селу верхом. Он внимательно слушал, да поддакивал, неся на могучих плечах новорождённого.

Ночка, тревожно пофыркивая, то и дело, подталкивала убогого в спину...

— Кг-а-а-си-вая, — пробормотал Юшка, глядя на вдовицу, —

И детки кга-си-и-вые... Их Бог обе-ре-га-ает... И Тги-фон с небушка пги-сма-т-ги-ва-ет...

Бережно спустив жеребёнка наземь, Юшка трижды перекрестился т до земли поклонился хозяйке двора.

Та, сморщив носик, зыркнула на юродивого карими глазами и поклонилась в ответ.

* * *

В храм Юшка вошёл вслед за мужиками, размашисто перекрестившись и поклонившись перед входом. А затем замер. Как будто душа его улетела говорить с Ангелами. Он что-то неслышно шептал, налагая на себя крестное знамение...

Люди чинно подходили к исповеди, что-то говорили священнику и, получив отпущение грехов, боязливо посматривали в сторону новоиспечённого необычного прихожанина.

Очнулся Юшка, вздрогнул, когда храм огласил зычный глас протоиерея Филарета:

— Назовись, раб Божий! Готов ли к исповеди? Подойди, коль не вкушал пищи, не пил воды и не смолил табачищем!

Склонив голову, Юшка поспешил к священнику и упал перед ним на колени. Вытащив из-под одёжки все свои кресты, убогий залопотал:

— Ю-ю-шка я! Ю-юшка! Кгы-що-о-ный! Не ел, не пи-и-л, не та-ба-а-ш-ник...

– Юшка? – изумился Филарет, – Илья, что ли? Ильёй тебя величают? А отца как звали? Фамилия твоя как? Сколько лет? Откуда к нам пришёл?

На каждый вопрос священнослужителя Юшка только пожимал плечами, да плакал, всхлипывая, как ребёнок, и размазывая слёзы по щекам.

Долго исповедовался пришлый святому отцу. Что-то рассказывал, взмахивал и что-то показывал руками. Филарет утвердительно покачивал головой и поглаживал кающегося по плечу.

Те, кто ждали начала Святого Причастия, начали недовольно роптать, позабыв о только что отпущенных грехах...

Наконец, священник покрыл голову Юшки епитрахилью, перекрестил и произнёс:

– Отпускаются тебе грехи твои, раб Божий Илия, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь! Ступай, нареченный именем Пророка, и не греши боле...

Глаза юродивого светились счастьем. А после Причастия Юшка стал широко улыбаться кривым ртом и кланяться в пояс всем прихожанам. Тихон и Кирилл отвели его в сторонку, дали пару свечей – на Канун и к праздничной иконе.

* * *

После окончания службы отец Филарет попросил задержаться местного фельдшера, Ивана Трофимовича, для того, чтобы осмотреть пришлого.

Тот долго заглядывал Юшке в рот, считал зубы. Затем он, приложив руку, обстукал грудь и спину пациента, несколько минут прислушивался к дыханию и стуку сердца. После заставил Юшку смотреть на его указательный палец, не вертя головой.

Осмотрев свалявшиеся волосы, Иван Трофимович вынес свой вердикт:

– Годов тридцать ему от роду. Здоров и не дурень. Гугнивость речи его – по причине «заячьей губы» и «волчьей пасти», слава Господу, слаборазвитых. А то бы помер давно.

Вшей немного. Отмыть хорошенько, постричь. Лохмотья сжечь. И... пахать на нём можно...

Откланявшись, фельдшер удалился восвояси, а Тихон с Кириллом повели Юшку-Илью в баню. В божеский вид приводить. Филарет же приказал им привести его обратно, накормить и поселить в сторожке при храме.

Так Юшка стал обживать в Крестовоздвиженском.

Глава 4

Растопив баньку, стоящую на берегу Волги, Тихон и Юшка сидели рядышком на зелёной траве. Кирилл тем временем отправился на реку, проверять мордуши.

Где-то высоко-высоко заливались жаворонки, воспевая тихий и благодатный августовский денёк. Кузнечики стрекотали в траве, напоминая о сенокосной поре. Увесистые шмели до земли склоняли головки красного клевера, чтобы унести с них добрый взяток душистого нектара своему потомству.

Млели мужики на щедром солнышке, придрёмывали после бессонной ночи. Вдоль овражистого берега, поросшего лопухом да крапивой, собиралась сельская ребятня. Любопытно им было поглазеть на дядьку-волка.

Так вот, сельская молва мгновенно обратила юшкино заболевание в нечто страшное.

Перешёптывались между собой ребяташки... Рассказывали друг другу, дескать, Юшка – самый всамделишный оборотень.

И явился он ночью к Кириллу и Тихону в виде чудища с телом человеческим и волчьей головой. Очень им хотелось посмотреть, есть ли у Юшки шерсть на загривке, хвост да волчьи лапы вместо ног...

И смех, и грех!

Наконец, самый смелый, «рыжий, рыжий, конопатый», осмелился и крикнул:

– Эй, дядька! А покажись волком!

Вздрогнув и очнувшись от дремоты Юшка недоуменно взглянул на детей. Тихон, усмехнувшись в бороду, шепнул:

– Давай, Юшка! Пугни пострелят, чтоб неповадно было...

Юшка, как бы нехотя, повернулся, встал на четвереньки и медленно пополз в сторону детей. Потом поднял вверх руки и страшно-страшно зарычал. С визгом ребятня бросилась врассыпную, сминая огромные листья лопухов и не замечая, как злая крапива кусает их голые пятки да загорелые животы.

* * *

Тихон катался по траве, заливаясь в хриплом хохоте. Юшка, довольный своей выходкой, поднялся и увидел, как с пригорка к берегу спускается Глафира-солдатка.

Павою плыла вдовица по узкой тропинке. Стройная, статная...

И не скажешь по ней, что мать шестерых детей... Тёмные, густые волосы убраны аккуратно под белый платок, синяя юбка в мелкий горошек развевается на ветру... А глаза... Карие очи её, кажется, смотрят в самую душу... Засмотрелся на неё Юшка, не в силах вымолвить ни слова.

Приблизившись к мужикам, Глафира опустила наземь большой узел, и промолвила:

– Вот, от Тришеньки осталось... Тебе, Илья, впору будет, думаю... А соколу моему уж не сгодится...

Смахнула набежавшую слезу уголочком платка, и развязала узел, бережно раскладывая напоказ, чисто выстиранные и бережно выглаженные, исподнее да рубахи, штаны да жилетку стёганную. Под бельём оказались хромовые сапоги.

– Примерь-ка! Трифон их на ярмарке прикупил, когда в отпуске был... Хотел он... Хотел он в них по селу пройтись... Со всеми своими наградами...

Глафира всхлипнула, прикрыв лицо ладонями. Юшка, дабы не обидеть добрую женщину, вытер ноги своей рваной рубахой и аккуратно надел сапоги. Встал, перемялся с ноги на ногу, прислушиваясь к сапожному скрипу. Затем подбоченился, выдал руками дробь по плечам бокам и коленям и так притопнул, что охнули сапоги под новым хозяином.

Слёзы сменились улыбкой, грусть – доверительным разговором:

– Илюш, а ты из каких краёв будешь?

– Из Мо-о-сквы...

– О, как! Столишник, значит?

– Ага!

– А родители? Родня у тебя есть?

– Были..., – Юшка потупил взор, уставившись в траву.

– Померли? – настороженно спросила вдова.

– Ма-а-мки у меня две... И ба-а-тьки два было... Ба-ай-стриук я... Ро-о-дила меня мамка кго-вей благо-го-дных... Не-весть от кого... Отец её, дво-гя-нин, бил её не-е-щадно опосля мо-о-его гожд-дения... А я ишшо, таким вот ст-гашным у-у-годился... Не бо-о-ишья меня?

– Не-а... А чё ты бояться? Мужик, как мужик...

– Све-е-зли меня в имение, да о-о-тдали пгач-ке да ко-о-нюху... Вот, они-то, и ста-али мне па-а-пкой и ма-амкой... Пга-вда, у них сво-о-их уже чет-вего было... На-а-стоящие-то, ду-умали, что здохну... А я вы-ы-жил...

– Ишь ты! А чего скитаться стал? Прогнали?

– Не-а... Ба-атька, хоть и лу-упил ме-еня в за-а-пое, но лю-ю-бил... Ба-аловал... А после... По-о-ехали мы на Ходынку... Ца-гя смотгеть... Ба-атю насме-егть задавили...

Ма-амку так по-о-мяли, что сле-е-гла она... И по-о-мегла че-егез месяц... Се-естга и бга-ат сгнули... А ме-еня дя-ядька ка-а-кой-то... на кгы-шу са-гая по-одсадил... Вот и жи-и-ву те-е-перь... За всех...

Вздохнули все разом и замолкли, пропуская сквозь сито души рассказ о юшкиных мытарствах. Да и самим слушателям похвалиться особо было нечем. Нелегка судьбина русского крестьянина. Единственные радости – мир в семье да здоровые дети, добрый урожай да престольные праздники...

– Я тебе, тут, ножницы и гребень принесла... Да мыла дегтярного... А «сидор» свой да одёжку брось в печь. Гнид там – полчища.

Пойду я... Неча на чужих мужиков у бани зырить... Итак, лишнее гутарят...

Поднялась благодетельница юшкина с земли, улыбнулась ему скромно и направилась в село. Зарделся Юшка маком алым, опустил голову, не смея взглянуть ей в глаза. И долго-долго провожал вдовицу взглядом.

Что творилось в этот миг в его душе – одному Богу известно. Но трепетало его сердечко, как хвостик заячий...

Глава 5

Вот и Кирилл вернулся к баньке, проверив мордуши. Шёл-пошёл по тропке-тропинке как хазарь... Казалось, не карасей в сумке нёс, а рыбу «красную»...

Хотя... Что его обвинять за франтоватость? Втюхалась в одну из мордуш стерлядка залётная. Вершка на три. А то, и поболее...

Идёт Кирилл от берега в верхи, и орёт, как полоумный:

– Эй!!! Дурни-банщики! Кочегары-баннотопщики!!! Мальцы – удалые молодцы!!!

Дурью не майтесь – костром возжигайтесь!!! На костёр – котёл... под ущицу, чтобы с добром сжиться...

Подкинув дровишек в баньку, Тихон вышел на «ор поднебесный» и буркнул:

– О! Прётся нехристь, иудов сын... Улов – с вершок, а крику – с горшок... Тьфу на него!!!

– Юшка хочет «юшки», а рыба мне!!! Наяву, а не во сне!!! – балагурил Кирька, волоча за собой мордушу с рыбой.

– У-у-щица будет... О-о-о-посля ба-аньки... Мож, я сварю? – сказал Юшка, обращаясь к Тихону.

– Тебе – мыться, бриться да вшей гонять, – отрезал Тихон, – А уху... балберка-балоболка, нехай варит... А пар ему... остальний будет, ...за язык его...

Эй, болтушка-мотолыжка! Заваривай уху! Твоя очередь – вторая...

* * *

Вдоволь напарившись в бане, Кирилл и Юшка вывалились румяными-разрумяненными в Волгу... На «охлаод»... Нырнули и, с дикими криками – «пробкой» наземь... Не зря говорят в народе, что с Ильина дня вода в реках да озёрах холодеет так, что душа «пупырками из серёдок естества выскакивает»...

Лежат Тишка да Юшка в «стыдобе» на косе песчаной... Орут, да охают... Как будто «спиздательно» желают взгляда чужого на свои телеса, коими и удивить-то не кого. У обоих – «курам на смех»!

– Ю-ю-ю-ш!

– Ась?

– А... Бабы-то... Были у тебя?

– У-гу...

– У-гу, значит – ни «гу-гу»... Колокольчик ты наш...

Гы-гы-гы-хы-ха-ха-ха-ха!

– Да... Лан-но те, Тиш...

В этот миг зыкнул Кирюха от бани:

– Эй, убогие! Идите сидать! Уха наварилась!

Тихон оделся в «былое», а Юшка в «новье тришкино»... Встал... Огляделся... В «зерцале вод» себя рассматривает, складочки на одежде поправляет... Поясок подтягивает и сапогами похрустывает...

Как тыква на весах оценки ждёт...

Не смолчал Тихон:

– Да... Лан-н-н-о... Кра-са-вЕц... Айда уху жрать, жених...

* * *

О чём разговаривали мужики под «первач» – умолчу... Тишка всё о Боге и «гражданской принадлежности» спрашивал. А Кирька... задавал такие «хабальские» вопросы, от которых вечерняя заря алым цветом, стыдливым, заливалась...

Перебирая Юшкин «сидор» – «что в печь, что – в остаток», обнаружили мужики старый Псалтирь и френч офицерский, с полковничьими погонами... Да ещё тройку дюжин «золотых»погон армии царской, коей, вроде, не было уже...

– Юш! А чё? Ты и читать умеешь?

– Не-а... Пса-алтирь у меня... Из Пу-у-стыни... О-о-пти-ной... Пока я там жил – наизусть вы-ы-у-учил...

– О, как! А, ну-ка... Псалом девяностый... Выдай...

– «Жи-и-вый в по-мощи Вы-ыш-няго, в крове Бо-о-га не-е-е-бес-на-го во-о-о-дворится; ре-е-чет Го-о-о-спо-деви: «За-а-ступник мой еси, и при-и-и-бежище мо-о-о-е...»

– Эх, Юшка! Кабы не заикался, да рот был бы в порядке – быть тебе певчим при храме!!! А так...

– А чё? Я и певчим смог бы... Хоть подскуливать в общий хор, а... смог бы...

Тут встрял Кирилл со своими «заковырками»:

– А откель у тебя столько погоньев охвицерских, да френч полковничий?

– Ме-е-сяц, али бо-о-лее назад... Был я в Тю-ю-ю-рино... Та-а-мось «красные», энтих «охвицеров» мно-о-о-го в полон взяли...

Су-у-дили-рядили... Да, всех во смертушку о-о-брядили...

Р-а-а-аздели до-о-о-нага... И у о-о-брыва... По-о-о-д-чи-и-истую... Из ружьёв... И пу-у-ле-мё-тов... И... В Волгу... А «мундёр» и «погонья» – мне... На... Ра-а-а-зживу... Зо-о-о-лото, гу-утарили...

– Ай, да, Юшка! Ай, да, «конь-голова», – усмехался Кирилл, не прекращая подзуживать юродивого. И не унималась его грешная душа:

– Юшка! А ты за царя или за Ленина?

– Не-е зна-аю... Ца-арь Ни-и-колай отрё-ёкся... Бо-о-ольшая бе-да ему бу-у-дет... А Ленин? Не-е зна-а-ю... Не ве-е-даю...

– Как же так?! Ленин в своих «манихвестах» обещуwał «землю – крестьянам, заводы – рабочим, всю власть – Советам... То есть нам... Бедноте... И будем мы миром править... И революцию, и общее счастье во всех странах размещать... Как тебе?

– Здо-о-рово... Землицы бы... Не-е ме-е-шало... Впро-о-о-голодь жить – все у-у-стали... А царь, чего? Со-о-о-всем ушёл? Как же без не-е-его?

– Совсем ушёл! Сгинул! Бросил нас, помазанник, на судьбы произволение... Вместо него теперь – Ленин... Он – и царь, и бог...!!!

– Ленин – Бог? Э-э-это... К-а-ак по-о-о-нимать?

– Вот, тёмная ты сила, Юшка!!! Дурень из дурней!!! Вроде, в Святом Писании разумеешь... Что там сказано? ...Дам вам землю обетованную, свободу и волю... Только поклоняйтесь мне...

Вот, Ленин, как Бог, и даёт нам землю, свободу и волю...

Задумался Юшка... А Тихон отозвал богохульника Кирьку в сторонку, и насовал ему таких матерных «кренделёв», от которых и ослиные уши опали бы в полном бессилии...

Вернувшись после словесной перепалки, едва не переросшей в мордобитие, мужики слышали от Юшки вывод из всех его размышлений:

– Если Ле-е-нин даёт зе-е-млю и во-о-о-лю, значит... Он...

Как Бог... По-о-спро-ша-а-ю-ка, я у-у ба-а-тюшки Фи-и-ларе-ета... Что-по-о-чём...?

Глава 6

Рукастым да сноровистым мужиком оказался Юшка. Не то, что местная пьянь да бездари, попусту кивающие на «революцённую ситуацию», бросившие землю и всякое желание трудиться.

Определённый «на житие» в церковную сторожку, Юшка, первым делом, привёл в порядок сельский погост.

Выдрал-выполол из проходов и брошенных могил полынь да крапиву, кипрей да лопухи. Поправил все холмики да оградки, переписал, как мог, поимённые таблички с датами рождения и упокоения.

Обновилась и окружность храма, чему батюшка Филарет нарадоваться не мог. Юшка, что где надо, «подщекатурил» и выбелил, дорожки подправил, сорняки выполол, цветники в должный вид привёл. Попадью-то, филаретову, к тому времени чахотка замучала так, что она и с постелей подняться не могла, немощная.

Всё – во славу Господа и на радость прихожанам...

Не сидел Юшка без дела ни минуты. От ранней зари до полуночи спешил он делать добро односельчанам, тепло и безбоязненно принявшим его в свой стан.

Имея, от природы своей, силу недюжинную, Юшка помогал местным мужикам на сенокосье и уборке урожая, копал огороды поперёд лошадей, запряжённых в плуг. Подымал покосившиеся венцы домов и крыл крыши соломой и дранкой. Умудрился даже купцу местному – Ивану Ильичу – железом крышу покрыть.

Да так, что и мошка мелкая не пролезет, не то, что капли дождёвые...

Шугались Юшки только детки, да девки-молодки.

Страшились они его рта корявого, речи невнятной да, суды-пересуды деревенские не изжили из Юшки образа оборотня...

Как идёт он по улице, так и прыскают в разные стороны ребятя да девки. Как воробышки от ястреба, камнем наземь падающего...

Дабы снискать их расположение и доверие, Юшка вырезал всем «коников липовых» да творил кленовые свистульки, разноголосые. Тянулись к нему люди, да побаивались...

Длинной вереницей тянулись за убогим сплетни-присказки...

Особливо гутарили о том, что, дескать, убогий глаз положил на Глафиру-солдатку. Что любя она ему со всем её придатком, и охаживает её Юшка по «мужеской части» как жеребец-первогодок. Глядишь, и седьмого понесёт, не тришкиного...

* * *

Опосля Успения Юшка зашёл в дом вдовицы... Перемявшись с ноги на ногу у крыльца, прошептал он сипло:

– Глаш! Ты... Пу-у-стила бы... Ма-а-льцов... Со-о мной... По-о-о грибы... Кака зи-и-ма бу-у-дет, о-одному Бо-о-гу и-и-известно... Г-г-ру-узди в ле-е-сах пру-уть, да ма-а-слята...

Глафира, накинув на плечи, дарёный Трифоном, цветастый плат, трёхрублёвый, поглядывала на убогого, да думала: «Пущать? Али нет?»

Поглядывала, помалкивала, гляючи на, рдеющего алыми пятнами, Юшку... А он, как телок бессловесный в стайке, стоял да помалкивал, потупив взор...

– Ванька! Сенька! Фроська! Нинка! Санька! Ходите досюдова! Гля-кось, дядька-Юшка за вами притащился... Берите корзины и короба, и ступайте с ним... Грибы собирать...

Детишки собрались мигом. Юшка раздал им по куску колотого сахара, дабы боязни к его обличью у них не было. И отправились они в лес... По тропочке-хоженке, с материнским благословением...

* * *

Ох, и удалась осень восемнадцатого года грибами!!! Грузди – размером в две мужские ладони, да не червивые. Опята – шапками на трухлявых пнях. Маслята – россыпью. А белые, подберёзовики и подосиновики такие, что пяток десятков и – полный кроб...

Три дня чистили да мыли собранные грибочки Юшка с детишками, да Глашка в помощь... Насолили восемь кадушек а шесть колодок...

Забалакали старики на селе: «Грибов урожай – быть беде большой. Война кровавая нагрянет или мор великий...»

...Если бы знали жители Крестовоздвиженского, что «пойдёт отец на сына и брат на брата»... Если бы ведомо было им, что «грибная примета» окажется настолько верной, и в ближайшее время, сполохами кровавыми, заглянет в село уединённое грозная Гражданская война...

Глава 7

Первое дыхание вселенской катастрофы, имя которой – Гражданская война, достигли Крестовоздвиженского в погожий сентябрьский денёк, когда село праздновало своё «тезоименство» – в день Воздвиженья Животворящего Креста Господня.

Отложив все свои бытейные дела-заботы, заранее намывшись

в банях, с раннего-раннего утра жители села собирались на службу торжественную в храм. Где-нигде, в окошках попыхивали керосиновые лампы, под свет которых селяне вынимали из сундуков заветные наряды, отложенные для престольных праздников. В некоторых окнах мелькали отсветы лампад и тени рук, кладущих на чело, живот и плечи крестное знамение... И все знали, что в доме сем богомольцы торопятся испросить у Господа прощения...

Вспоминая о царе Константине и царице Елене, большинство беспомощных и беззащитных, молились о победе над «смутным змием», вторгшимся на просторы российские вместе с новым, двадцатым веком. Не понимая, по собственному скудоумию и неграмотности, событий, происходящих в стране, опираясь только на молву и народные приметы, люди ждали... ждали большой беды...

Кричали их душеньки от страха и неизвестности...

Молились они одному... Спасителю и Заступнику... И матушке Его – Пресвятой Богородице, которая, по мнению обывателей, «глядела на Крестовоздвиженское из, не столь далёкого, Дивеевского монастыря, а преподобный батюшка Серафим грозил оттудова пальчиком, и умирал змей, коим в этот день суждено было прятаться от глаза православного в щелки да норки...»

Гутарили старики, что на Воздвижение и «первые заморозки могут прихватить нерадивых и грешных за босые пятки, и змей подколодных вгонят в такую дрожь, что они и на дорогах будут подыхать смертью лютой за Евин грех и „адман“ Адама...»

Однако, такого не приключилось. Короткие и добрые дожди сменялись жаркими погожими днями, совсем летними. Ребятня, не гляючи на угрожающие посылы взрослых, тайком купалась в речке.

Каждое утро разомлевшая, вспотевшая от сырости, земля выдыхала густые туманы. Не холодны были они, не «теплохладны»... Как грешник, пришедший в храм, дабы поглазеть на то, сколько народу пришло, да кто, сколько свечек поставит...

И радостно было сельчанам от того, что пошла добрая отава по сенокосам... Да такая, что впору её было косить к Покрову...

Но каким он будет? Нежным или снежным?!

Ворчали старики: «Небо с землёй перевернулись. Невидаль – такая теплынь... Не к добру это...»

Тут ещё «полоумные» коровы телиться стали... Ни к селу, ни к городу... Осенью!!! От дуры-то, по двойне телят несли, что тоже не считалось хорошей приметой.

Терпение людское окончательно лопнуло, когда Фроська, Федьки Косого жена, нищета из нищих да «кликуша», тройню принесла на Успение...

Ох-ох-ох,, били бабки-богомолки лбы о полы церковные, дабы отвести беду... Балакали: «Один из тройни, точно – «антихристово отродье». Все знаки, земные и небесные, на то указывают...

В жутких сомнениях и неведении готовилось село встречать своё столетие... Благо-
лепно выходили храм к сему дню, прибрали улицы... Не поскупились даже на свежую
солому поверх трухлявой на крышах... А те, кто побогаче, даже ставенки и палисады жид-
кой краской, за дешёвку, облагородили...

А то...!!! Много «чириков-дармоедов уездных обещалось на вековое празднование
прибыть на вековой юбилей...

А то... и «сам»... из «самоёй Самары» нагрянет...»

* * *

Тонюсенькая, малиновая ниточка зари пробивалась сквозь молоко тумана, когда Юшка
«восстал ото сна и должную, угодную Господу молитву», немощным своим языком вымол-
вил у тусклой лампы...

Открыв дверь сторожки, божий человек поёжился от сумной прохлады, и шагнул
в тающую тьму. Обошёл Юшка храм вокруг, остановился. Задрал голову вверх, глядячи
на алеющие кресты, и шепнул:

«Го-о-ос-споди... Ми-и-ло-о-тив бу-у-ди нам, гр-р-е-шным...»

Заря, как будто предвещая недоброе, потянулась с востока на юг кроваво-синеватым
языком...

Перекрестился Юшка, что-то пробормотал, открыл ворота и начал собирать с дорожки
первые листья, безвременно покинувшие древесные кроны...

Вскоре явился батюшка Филарет. За ним потянулась «челядь церковная»: диакон да
звонарь, свечная лавочница, певчие да уборщицы, да самые ранние богомольцы...

«До-о-о-о-о-о-о-о-о-н-н-нн!» – первый удар колокола заикнулся, как убогий Юшка,
призывая, бредущих в тумане, православных, к молитве...

Ёкнул колокол так, что стряхнул-вытряхнул из самого тумана такую влагу, от которой,
казалось, вся одёжка начала вымокать не снаружи, а изнутри...

Дождаться «дорогих гостей» из уезда и губернии строгий батюшка Филарет не стал.
Время – ко времени. А кто в постелях посапывать любитель – тому батюшка быстро место
определит: либо поругает отечески, либо епитимью наложит. А самым рьяным – в ухо даст
так, что и «пудова гиря ваткой покажется». Строг батюшка, но справедлив... Всякую ересь,
безделье и отговорки терпеть не мог. А тружеников любил!!! Бывалочи, Фрола-кузнеца,
восьмидетного матерщинника, поперёд местного купца, Ивана Ильича, на исповедь и при-
частие ставил. В укор зажиточным и «в урок» всем православным...

* * *

В этот день многим казалось, что туман смешал землю и небо, дабы сохранить все
тайные помыслы простых людей, родившиеся в смутных снах, и трудном пробуждении.

Волга, как баба-перестарок, родившая туман, как долгожданного «последышка»,
начала съедать да впитывать его, вдруг, испугалась... огласившись зычным пароходным гуд-
ком...

Перебивая церковное славословие, по храму прокатился недовольный гул:

«Начальничество уездное, да губернское понаехало... На всех парах... Губернским-то, икры да осетринки хватит под «запасную, нижегородскую, ярмарошную водочку от Ивана Ильича...»

А уездные-то, клещи-паразиты, всё из «амбарьев-сусекив» повычищут-повыметут, аки татарё... Ни пшенички, ни стопарика бражки не оставят...»

Однако, ошиблись крестьяне, богатые да зажиточные, голоштанники да приبلудные, вроде Юшки. Совсем неожиданный пароход пристал к малой сельской пристани...

* * *

Из синеющей зыби тумана, вверх по яровитому склону, потянулись серые, незнакомые тени... Со знаменем, а не с хоругвями, что ввергло любопытствующих в оторопь...

Дёрнулся нетерпеливый народец из храма, не ожидая окончания литургии, не обращая внимания на грозный оклик Филарета. Все, маловерные, потянулись к берегу...

Молча, похрустывая речным песком, сапогами да ботинками в обёртках, поднималось, снизу-вверх, невиданное племя...

Мне, как учителю, вспомнились тогда слова Александра Сергеевича Пушкина о тридцати трёх богатырях, выходящих из моря, во главе с дядькой Черномором...

Только не блистали на них золотые доспехи, не отливали серебром прочные шелома, не блистали в свете утренней зари острия копий. И «дядька Черномор» не был бородат и могуч. И не был он обряжен в златую кольчужницу.

Шёл впереди строя плюгавенький, лысенький мужичонка, обряженный в кожанку, перепоясанную офицерской портупеей.

В доказательство его «дядько-черноморской значимости», ярко светился у него на груди малиново-красный бант, а по левому боку болтался громадный «маузер» в громадной кобуре.

За ним, как былинные герои, шли воины, не с копьями, а с винтовочками мосинскими, да с примкнутыми штыками булатными. В зелёных гимнастёрках с красными отметинами на груди, и... в шеломах ли?

Кто-то, откудова-то знаячи, ответил на ухмылку в толпе: «Эт-те, не шапки... Эт-те – „будённовки“... „Красные“ пришли!!! Вишь, каков стяг-то? Как зорька сёднишна...»

«Красные» вошли в село тихо, никого не трогая и не обижая... Узнали, к чему такое скопление народу у пристани и храма. Лысенький владелец «маузера», оставив оружие у адъютанта, вошёл в храм с двумя в гражданской одежде и простоволосой бабой, так же ряженой в кожанку, но с «левольвертом».

Филарет попробовал возмутиться за то, что службу прервали, но... Баба энта, вытащила «револьверт», да пальнула... прямо в купол, рывкнув, мужицким гласом, что, дескать, через час перед храмом состоится «первый революцённый митинх»...

* * *

Стоя на окраешке смущённой толпы, Юшка подумал:

«Во-о-т... Сперва проверка пришла... Чтобы оказии никакой не вышло... А там... Глядишь, и сам... Ленин... Сойдёт с парохода...
И начнёт раздавать... Землю... волю и... свободу...»

Глава 8

Муторно стало на селе от последствий «перехлѣст-празднишного митинха». Перевернул он всю сельскую жизнь с ног на голову.

Долго чесали языки бабы, вспоминая, за семечками, о «хабалке короткоюбошной с „левольвертом“, впѣршейся, простоволосой, в храм»...

Трещали и о начальнике лысом, с «маузером», остро отточенным перочинным ножичком... «Видать, золото ищет, ваалов поклонник...

А у нас его – пруд пруди, только пойдѣ – найди! Во вшах и «золотухе» заплутаешь...

Бабы, они и есть – бабы. Хоть и самые, ни на что есть.

Во всех самарских волостях и уездах... Крестовоздвиженские – самые сочные и смачные. Как творог, сметаной помазанный...

Мужики сельские, вообще... Как с дубу рухнули...

Доселе, дрались до кровушки только на Масленицу, при затейном штурме оборон снежных. А сейчас, что ни глянь, то – «юшка» красная в соплях мотается. Кто «за царя-изгнанника», кто – за «временщиков», кто – за «эсерев» каких то...

Кто за «большевиков», коих выше Бога стали ставить. Особливо ихнего, Ульянова-Ленина...

Кто по слогам читать умел, тот большевистские книжицы и прокламации до дырѣв исчитал, до хрипоты глотошной оравши по переулкам, да в кабаке пристанном.

«Царские» били морды «эсерским»... «Эсерские», напоив «краснеющих», шли «смертным боем» на тех, кто поддерживал «загнивающий и умирающий царизм, питающийся кровью трудового крестьянства и мирового пролетариата...»

Новая власть, пришедшая в Крестовоздвиженское, особенно не лютовала и не злобствовала. «Лысый „маузерщик“ со своей хабалкой», гутарили, свалили, аж, в Новгород Нижний. На тем же тихоходе...

«Тихой сапой», сославшись на болезнь, и быстренько продав дом, кабаки и прочая, из села исчез купец, Иван Ильич, «сельский голова и благодетель».

В мирской суете, как-то неожиданно, съехали и другие, зажиточные селяне.

Смута и бестолковость... Вот, и весь разговор...

* * *

На Покров, как и положено, обмакнулось село в первый, щедрый снегопад...

Накануне такая теплынь стояла, что никому не верилось, что пора зимние портки да валенки доставать.

Но...

К зорьке вечерней дохнуло холодом. Розовеющую лазурь заката стали обнимать рваные серые тучи. Ветерок, с младенческих воздыханий дитяти, к полуночи, перешѣл в рѣв пьяного мужика, возвращающегося с буйной гулянки.

В эту ночь первые дымки потянулись из печных труб тех, у кого дров было в достатке.

Задохся ветер-буян часам к четырѣм... Упал, разом, в снег... Захрипел-захрапел и... окочурился...

Солнышко обняло утро... Бе-е-е-лым-бе-е-е-лым... Чи-и-стым-чи-и-стым... И таким тихим, что... Не примёрзла бы, единолично не согласная с зимой, муха... всё село бы её услышало...

* * *

Вот-ить! Заспал!!! Заспал Юшка утро двенадцатое!!!

Соскочил, как ошпаренный, с постелей и... в исподнем, на крыльцо сторожки – «ветру понюхать»...

Выскочил, босый, и – «по саму щиколоть» – в снег, который взомлел снизу первобытным таянием, а сверху щипал, как крапива.

Мигом собрался Юшка, и, перекрестившись на образа, выскочил в холод с большой лопатой – разгрести снег, да посыпать дорожки, заранее припасённым, сухим песком...

Взмокнув от трудов праведных, Юшка скинул дарёный полушубок, и стал лепить из податливого снега ангелов вдоль церковной дорожки, вставляя, по своему разумению, опавшие годовалые веточки для того, чтобы крылышки лучше держались. Да сооружая из жёлтых ивовых веток рукотворные нимбы снежно-бестелесным существам...

«Вот, доволен будет отец Филарет», – думал Юшка, увлечённый сотворением мира ангельского...

– Кхе! Кхе! – изморозью пробежал по юшкиному загривку.

Не то холод покровский, не то явление человеческое. Раньше Филарета явился звонарь, Никифор.

– Ну, здоров, убогенькай, – буркнул звонарь, скрипнув церковной калиткой, – С праздничком Богородичным тебя! Косоротый...

– И тебе – не хворать, – зычно и громко ответил Юшка, как бы пропустив оскорбительные замечания в свой адрес.

– Юшка! А ты слышал, что в купеческом кабаке, на пристани, сельсовет наметил образовать? Там жеть, и «реввоенсовет» и..., – звонарь перешёл на шёпот, ожидая юшкиной реакции на слова, – И... И... Прочая... «Красная»... Нечисть... Юш! А, Юш! А ты за кого? За Бога, или за Ленина, с его большевиками?

Не долго думая, Юшка хлопыстнул языком: «Я – за Бо-о-о-га... К-гы-ы-щонный же... А Ленин... Он... Зе-е-е-млю и в-о-о-лю обе-е-щает... Значит, каа-а-к Бо-о-г... И-и-и... З-а-а-а не-его... То-о-о-ж...»

* * *

Тихо и мирно продолжалась жизнь в селе. Только, сгинул куда-то протоиерей Филарет. «Введение», вообще, пришлый поп правил. Да всё – наперекосяк, да не по уставу. Не так, как юшкино сердце и познания в Святом Писании подсказывали...

Недопонимал, не осознавал Юшка перемен. А подсказать было некому. Кого бы он не спрашивал, все прятали глаза, да городили такую галиматью, в которую и он, убогий, не верил...

Балакали, будто бы, вызвали Филарета с матушкой и всем выводком в епархию. На разговор с «новой властью»...

А там, когда святое семейство переезжало Волгу по льду, «рванули под ихней кибиткой „танамид“. Он и разнёс Филарета с семейством, лошадьми и кибиткой. В кусочки мелкие...»

Только не верил Юшка таким рассказам...

«Как же так? – думал он, – Ленин землю дал, волю дал... Власть тем, кто самый бедный и беззащитный. Неужель, позволит он себе такую власть, которую позволил себе Бог, сокрушивший Содом и Гоморру...???!»

Путались мысли его... Путались дни, которые, по-новому, уже никак не совпадали с православным летоисчислением и представлениями Юшки о Добре и Зле...

В некоторые дни казалось ему, что голова его вспухнет от размышлений, от робостного непонимания того, что творится вокруг...

* * *

Запутался Юшка в хитросплетениях, современной ему, жизни, как в болоте. Хочет нырнуть – выталкивает... Хочет вынырнуть – засасывает... Да так, что дыхалку перехватывает...

Самое страшное, недоступное для юшкиного сознания, свершилось во время его отсутствия...

Тогда «новая власть» наняла Юшку, как «дюжего грузчика и грозного сопровождающего ценного груза» из села в Самару. За десять, новых «целковых» и «полный пансион на время ответственного задания».

Не знал тогда Юшка, что сопровождает обоз из пшеницы, отобранной у односельчан. Великую долю выкопали из «преданных» купеческих тайников. А «долю слёзную» повымели из амбаров, еле-еле сводящих концы с концами, односельчан. Тех, кто Юшке одежду и подаяние давал...

Только неведомо ему было, что он везёт... Нашили ему на шапку красную полосу, выдали «левольверт» и «мандат», понимая, что никто, кроме дюжего, двухсаженного полудурня, не защитит десятки пудов хлебушка, направляемого голодающим Москве и Петрограду...

Уехал Юшка с обозом по «закрайкам», образованным Введенскими, лёгкими, но настырными, морозцами, а вернулся только к Богоявлению...

Какими судами-пересудами, разговорами-уговорами удерживали-обихаживали его в Самаре, трудно сказать.

Однако, вернулся он не битым и не покалеченным, с «мошной» от «новой власти» и, с немного другими, казалось, осоловелыми от долгого запоя, глазами.

То ли Юшка стал другим, то ли время его заломало-перемололо.

Глава 9

Видывал Юшка в своей жизни горюшка много. Хлебал его не ложкой, а полными пригоршнями. Взахлёб! Как его приёмные родители, не погнушавшиеся его физического уродства и «байстрюковского» происхождения. Вырастившие его, «аки родного птенчика...»

А, как вылетел он из родного гнезда, так и рухнул в жизнь...

Не как в гостеприимное небо для крылатого отпрыска, а как...

В болото, что ли? Не успев слететь с ветки, Юшка был сбит насмешками да укорами «за неблагообразный вид и косноязычие».

Однако, не растерялся он, не озлобился на «скотство человечье». Сумел воспринять и впитать в себя всё самое лучшее, что потребно человеку православному. И, по разумению своему, отверг всё самое грязное и низкое, отделив «зёрна от плевел», как Спасителем заведено.

За краткие миги общения с ним, слушая рассказы и рассказы односельчан, видел я в нём Свет... Неугасимый Свет Добра и Милосердия, дарованных убогому... Взамен естественной красоты.

Убогий... Вот, словечко-то!!! А, коли разделить его с умом, то получится – «у Бога»...

У «Христа за пазухой»... Так и жил мой герой...

В Боге...

И с Богом...

* * *

Возвращался Юшка из ответственной командировки с крещенскими морозами в под-
водах и жутким грузом городских впечатлений...

Зимний прозрачный воздух, казалось, остекленел от холода. Даже вдыхать его было больно. Лошади, покрытые сединой инея, ворчали и кряхтели, перетаскивая розвальни через сугробы. Хотя и пусты были сани, но каждый шаг им давался с превеликим трудом. Если бы мыслили они по-человечьи, если могли бы сказать людишкам неугомонным, то прокричали бы:

«Да, сколько можно?! Распрягайте!!! Загоняйте в тёплый хлев!!! И задайте овса столько, сколько с нас потов сошло!!!»

Да, и людишкам не больно сладко было. Версту ехали, две – бежали рядышком с санями. Лютый мороз пробирался в самое естество. Ни тулупы, ни фуфайки-поддёвки, ни валенки самокатные не спасали. Бр-р-р-р-р...!!!

Вернувся обоз до дому к полудню.. 18 декабря 1919 года...

Крестовоздвиженское встречало тружеников столбами дымов из печных труб, огромными сугробами, кристальной синевой небес, да зрелым солнышком, ни граммулечкой не греющим. Да новостями, коих за месяц с гаком накопилось – «Тридцать три корзинки, два ухвата, да кружки половина...»

* * *

Подкатил Юшка к месту дислокации, к церковной сторожке... Спрыгнул с саней, похлопывая себя по плечам и бокам, изгоняя мороз из-под тулупа, выданного властью. Да, вприсядку пошёл, дабы размять затёкшие и околевшие ноги...

Снял рукавицы и шапку, шепча про себя «Отче наш...», глянул на храм, и оторопел... Над ободранными куполами церкви сияли полуденным светом пятиконечные звёзды... Замерла рука, готовившаяся наложить крестное знамение...

На шум из сторожки вышел звонарь, ряженный, в битый мышами, полушубок. Корячась по нечищеным дорожкам и щурясь от снежной слепоты, рывкнул он:

– Кхе-кхе! Это кого тут нечистый принёс?!

– Да-а-а... Я это... Ю-ю-юшка... Эт, чё-тако, де-е-е-ется...?!

Кре-е-сты-то, где?!!!

– Кхе-кхе! Где? В п... де...!!!

– Ты-ы... Чё-эт... Ма-а-а-теришься у храма, пу-у-стозвон?!

– Кхе-кхе! Был храм, да нетути... Нынче здесь клуб! А я – не звонарь, а... Как его? Клубом заведующий. О, как! Так новый «голова» назначил...

– Да, кто это... Та-а-кую е-е-ресь со-о-о-творил?!

– Кхе-кхе! Друг твой закадычный. Кирька!!! Он, теперича, сельсоветом заведует...

Метнулся Юшка в храм. Да, и осел в нём бессильно...

Ни образов, ни фресок... Всё забелено желтоватой известью... Вместо «Царских Врат» – сцена и красное полотнище во всю ширь.

И бюст его... Белый-белый... Как снег... Ульянова-Ленина... Посередке... Такой же, как на портрете, что привёз с собой Юшка, из Самары. В губернии выдали, и велели дома повесить. На самом видном месте.

Из ступора Юшку вывело въедливое покашливание завклуба-звонаря:

– Кхе-кхе! Не переживай, Юшка. Подстраивайся под новую власть. Нетути. теперича, Бога на небесах! На Ленина его поменяли! Крепись! И кресты свои спрячь... От греха...

Выскочил Юшка, как ошпаренный, из поруганного храма. Ввалился в розвальни, и так рванул вожжи, что лошадка возмутилась такому ожесточению. Но понесла... Понесла к кирькиной хате.

А там сказали, что «Кирилл Тимофеевич проживает,

теперича, в купеческом доме, «реквизированном, в его пользу новой властью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.